

Затяни узел, Катиш

Рина Морзе

Рина Морзе Шведова, затяни узел

<https://litres.ru/74106456>

SelfPub; 2026

Аннотация

Екатерина Шведова никогда не верила в сказки — особенно в те, где письмо само находит адресата, поезд уходит туда, где нет станции, а школьный галстук внезапно становится говорящим поясом-проводником.

Но однажды Катиш попадает в Школу памяти у Старого Дуба — место, где магия рождается не из красивых заклинаний, а из старых вещей, красных нитей, оберегов, корней и обещаний, которые никто уже не имеет права забыть.

Ей всего четырнадцать, она язвит, спорит с учителями, ругается с собственным поясом и совершенно не собирается становиться частью древних договоров. Только Старый Дуб уже помнит её имя. А старые договоры редко зовут случайных людей.

Спустя десять лет Екатерину Шведову разыскивают в магическом мире.

И следователь, ведущий её дело, слишком хорошо знает: чтобы понять, кем стала Катиш, нужно вернуться туда, где всё началось.

Туда, где впервые затянулся узел.

Содержание

Глава 1. Печать старого дуба	4
Глава 2. Туда, где помнят	11
Глава 3. Бытовое волшебство	34
Глава 4. Корни помнят	65
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Рина Морзе

Шведова, затяни узел

Глава 1. Печать старого дуба

По старому дубу медленно ползла трещина.

Когда-то в него ударила молния, но дерево не погибло. Оно лишь расколосось надвое, словно решило сохранить шрам на память. Говорили, что дуб старше первых князей, построивших здесь крепость, старше дороги, по которой теперь ходили служебные экипажи Магического управления, и, возможно, старше многих сказок, что матери рассказывали детям перед сном.

Я никогда и не спорил с этими легендами.

В конце концов, люди слишком самоуверенно считают себя свидетелями истории. Они забывают, что жили здесь всего несколько десятков лет. А дуб же видел поколения. Он наблюдал, как рядом молились Перуну, потом строили часовню, потом сносили ее, как через лес прошли войны, а вслед за ними появились железная дорога, электричество и интернет. Люди менялись удивительно быстро. А дуб — нет.

— Всё в порядке, сэр? — раздался за моей спиной тонкий голосок.

Я обернулся. Лиза стояла, прислонившись к патрульной

машине, и лениво крутила в пальцах папку с материалами дела. Моя новая молодая напарница, которая думает, что знает обо всех и всё больше всех.

— Только не говорите, что снова разговаривали с деревом.

— Не разговаривал.

— Ну, поверю.

Она подошла ближе и тоже посмотрела на дуб.

— Честно говоря, не понимаю, почему нас вообще сюда отправили. Обычное дерево.

— Нет ничего обычного в дереве, которое прожило уже несколько столетий.

Лиза тихо фыркнула.

— Господи Иногда мне кажется, что вам лет восемьдесят.

— Двадцать четыре.

— Тем хуже. В двадцать четыре люди обычно размышляют о девушках, отпуске, скором повышении или новой машине. А вы философствуете возле дуба.

Я невольно улыбнулся.

— Потому что дуб напоминает одну простую вещь.

— Какую?

— Все считают, что магия рождается из заклинаний. Из волшебных палочек, древних книг или тайных ритуалов. Но это всего лишь инструменты. Настоящая магия рождается из памяти.

Лиза вопросительно подняла бровь.

— Из памяти?

— Посмотри вокруг. Русские сказки никогда не рассказывали о безликом волшебстве. В них у каждого места был свой хранитель: в лесу — леший, в реке — водяной, в доме — домовой. Даже избушка могла повернуться к путнику лицом или спиной. Наши предки верили, что мир живой. Что он помнит каждого, кто оставил в нём след.

Я провёл ладонью по грубой коре.

— Мы называем это легендами. Они называли это жизнью.

Лиза некоторое время молчала.

— Хотите сказать, все сказки были правдой?

— Нет. Сказки всегда преувеличивают. Но каждая из них вырастает из зерна истины. И пока хоть кто-то помнит старые истории, магия продолжает существовать. Она усмехнулась.

— Вот теперь я окончательно убедилась, что вы старик.

Я рассмеялся.

— Возможно.

Лиза открыла папку с ориентировкой.

С фотографии смотрела девушка лет двадцати шести с растрепанными темными волосами и насмешливым взглядом.

Екатерина Шведова.

Псевдоним: Катиш.

Ниже шло длинное перечисление нарушений, статей и

предполагаемых преступлений.

— Не похожа она на чудовище, — задумчиво произнесла Лиза.

— Потому что она им и не была.

— Вы ее знали?

Я отвел взгляд от фотографии и снова посмотрел на старый дуб.

Его ветви едва заметно качнулись, хотя ветра не было.

— Да.

— И каким же был человек, который совершил такие преступления?

Я молчал несколько секунд.

— Все началось десять лет назад. Весной две тысячи шестнадцатого. В обычной пригородной электричке. Тогда никто из нас еще не знал, что однажды Екатерину Шведову будут искать по всему магическому миру, да и она сама понятия не имела о существовании этого магического мира

Я снова посмотрел на фотографию. Насмешливый взгляд Катиш будто совсем не изменился. Только тогда, десять лет назад, в нём ещё не было усталости.

В две тысячи шестнадцатом Катиш было четырнадцать.

Она ненавидела школьную форму, носила галстук на запястье вместо воротника, терпеть не могла проигрывать в спорах с учителями и умудрялась находить неприятности быстрее, чем остальные успевали их заметить. Кажется, не проходило и недели, чтобы директор не вызывал ее мать в

школу. Одни называли ее хулиганкой, другие — безнадежной. Сама Катиш предпочитала слово «свободная».

В тот день она возвращалась домой последней электричкой.

За окном тянулись темные еловые леса, редкие деревни и старые станции, на которых поезд останавливался всего на минуту. В вагоне было тихо. Несколько уставших пассажиров дремали, кто-то листал телефон, пожилая женщина вязала носок.

Катиш сидела у окна, раздраженно перебирая в голове события дня.

Электричка плавно затормозила на безымянной платформе.

Двери открылись.

В вагон вошел пожилой мужчина.

Невысокий, в темном длинном пальто, с потертой тростью в руках. Он неторопливо оглядел почти пустой вагон, будто искал кого-то, после чего уверенно направился к Катиш и занял место напротив.

Она подняла взгляд всего на секунду.

— Свободных мест полно, дедуль, — буркнула она.

Старик лишь улыбнулся краешком губ. Так нетактично могла сказать незнакомому человеку только она.

Оставшуюся дорогу они ехали молча.

Он смотрел в окно. Она — в телефон.

Когда поезд снова остановился, мужчина поднялся. Ка-

тиш машинально подвинула ноги, пропуская его.

Он уже сделал несколько шагов к выходу, но неожиданно остановился и вернулся назад. Аккуратно положил на сиденье между ними плотный конверт цвета старого пергамента, запечатанный темно-красным сургучом. На лицевой стороне каллиграфическим почерком было выведено только: «Екатерине Шведовой».

— Эй дед!

Она вскочила. Но двери уже закрывались.

Мужчина спокойно сошел на платформу и, не оборачиваясь, направился в сторону леса. Катерина могла лишь смотреть ему вслед, так как поезд тронулся. Платформа оставалась позади, а старик, будто за несколько секунд успел раствориться между деревьями.

Она еще раз посмотрела на конверт. Плотная бумага была теплой, словно его только что достали из кармана. Сургучная печать изображала могучий дуб. Тот самый, о котором я никогда не уставал размышлять..

Катиш медленно провела большим пальцем по печати. Снаружи что-то изменилось.

Лес за окном будто стал темнее. Высокие деревья на мгновение показались ей не безликой стеной, а живыми великанами, внимательно провожающими поезд взглядом.

Она нахмурилась.

— Бред какой-то

Конверт тихо хрустнул в ее руках. Несколько секунд Ка-

тиш смотрела на него, будто пытаясь решить, открыть его прямо сейчас или выбросить на ближайшей станции.

Но потом она резко сломала сургучную печать. Где-то за окном, среди тёмных деревьев, старый дуб впервые за много лет шевельнул ветвями.

Глава 2. Туда, где помнят

Сургучная печать треснула слишком легко.

Катиш даже разочаровалась.

После перформанса этого старика она почему-то ожидала чего-то прямо-таки неожиданного. Вспышки. Грома. Хотя бы маленького взрыва, который окончательно доказал бы, что происходящее нереально, и это просто сон.

Но ничего не произошло. Печать просто сломалась.

— Ну блеск, — пробормотала Катиш, будто кто-то с ней спорил.

Она сунула ноготь под край конверта и достала плотный лист, сложенный втрое. Бумага оказалась странной: не белой, не жёлтой, а цвета старой кости. На ощупь — шероховатая, тёплая, будто её не напечатали где-то в канцелярии, а сушили возле печи.

Катиш развернула письмо. На первой строке было выведено её имя. Не напечатано. Написано. Красивым, ровным почерком, от которого почему-то захотелось немедленно сесть прямо и перестать жевать рукав.

Екатерина Шведова.

Катиш скривилась.

— Уже страшно.

Ниже шёл текст.

«Настоящим сообщаем, что вы зачислены в Школу прак-

тической магии, памяти и волшебного ремесла при Северном округе Магического управления.

Явка обязательна.

Билет прилагается.

Краткая инструкция прилагается.

Отказ после вскрытия печати невозможен».

Катиш перечитала последнюю строку. Потом ещё раз.

Потом медленно подняла взгляд на конверт, словно он мог сам объяснить, что именно имел в виду.

— В смысле невозможен? — спросила она тихо. — Я ничего не подписывала.

Через проход пожилая женщина с вязанием недовольно посмотрела на неё поверх очков. Катиш сделала вид, что вообще не к ней, и снова уставилась в письмо. Школа практической магии, памяти и волшебного ремесла при Северном округе Магического управления. Она почти рассмеялась. Почти. Потому что смешно это было только первые две секунды. На третью стало неприятно.

В конверте что-то шуршало.

Катиш осторожно перевернула его, и на колени выпал билет.

Самый обычный с виду железнодорожный билет: прямоугольный, сероватый, с мелкими буквами и неровным краем. Только вместо станции отправления и станции прибытия на нём значилось:

Туда, где помнят.

Катиш моргнула. Буквы не исчезли.

— Гениально, — сказала она. — Очень информативно.

Внизу билета медленно проступила новая строка.

Поезд прибудет сегодня в 23:47. Опоздание не рекомендуется.

Катиш перестала дышать. Не потому, что испугалась. Конечно нет. Она просто задумалась. Очень резко и очень глубоко. Примерно так же глубоко, как человек задумывается, когда у него в руках билет сам дописывает текст.

Она ткнула пальцем в бумагу.

— А ну повтори.

Билет ничего не повторил.

— Так и знала. Смелости только на одну фразу хватило.

Телефон в кармане завибрировал. Катиш чуть не подпрыгнула и выругалась сквозь зубы. На экране высветилось: Мама.

Она посмотрела на вызов. Потом на письмо. Потом снова на вызов.

Мама, скорее всего, уже знала про очередной вызов к директору. Или скоро узнает. Или уже звонила третий раз, а Катиш просто не слышала. Сейчас нужно было ответить, сказать, что она едет домой, что всё нормально, что она не виновата, что учительница по алгебре сама начала, и вообще никто не умер.

Вместо этого Катиш сбросила звонок.

Почти сразу пришло сообщение.

Ты где?

Катиш открыла чат и набрала: в электричке.

Посмотрела на письмо.

Стёрла.

Написала: скоро буду.

Тоже стёрла.

В итоге просто заблокировала экран и сунула телефон обратно в карман.

— Прекрасно, — прошептала она. — Теперь я ещё и идиотка.

Она снова заглянула в конверт. Там действительно лежала инструкция. Маленький листок, сложенный вдвое, без подписи и печати.

Катиш развернула его.

«Краткая инструкция для приглашённых.

1. Не рассказывайте о письме тем, кто не способен его прочесть.

2. Не выбрасывайте билет.

3. До прибытия на конечную станцию держите приглашение при себе.

4. Возьмите одну вещь, которую не жалко потерять, и одну вещь, которую жалко потерять больше всего.

5. Не ищите волшебную палочку. Первый проводник создаётся самостоятельно.

6. Порог переходят молча. Пояс завязывают своей рукой. Хлеб и соль принимают без отказа.

7. Не оглядывайтесь, когда туман назовёт вас по имени».

Катиш дочитала до конца.

Потом медленно сложила инструкцию обратно.

— Нет, — сказала она. — Вот теперь точно нет.

Она поднялась с места, собираясь выбросить всё это в ближайшую урну, выйти на следующей станции и как ни в чём не бывало поехать домой. Ну подумаешь, странный конверт. Ну подумаешь, билет с двигающимися буквами. Может, это новый вид рекламы. Или чей-то больной розыгрыш. Или, в конце концов, она просто слишком мало спала.

Электричка резко качнулась.

Катиш схватилась за поручень.

За окном мелькнула платформа. Низкая, тёмная, почти пустая. Название станции она не успела прочитать — буквы будто расплылись прямо перед глазами.

Двери открылись.

Никто не вышел.

Никто не вошёл.

Через несколько секунд двери закрылись, и поезд снова тронулся.

Катиш осталась стоять посреди вагона.

Странно.

Обычно на этой ветке даже поздно вечером кто-нибудь да заходил: студенты, работяги, бабушки с сумками, мужики с рыбалки, подростки, которые делали вид, что не боятся контролёров. Но сейчас вагон будто вымер.

Она оглянулась.

Пожилая женщина с вязанием ещё сидела на месте, но почему-то казалась дальше, чем раньше. Будто между ними стало не пять рядов сидений, а целый коридор. Мужчина в наушниках у двери дремал, уронив голову на грудь. На стекле отражались лампы, поручни и Катиш — бледная, злая, с растрёпанными волосами и галстуком, намотанным на запястье.

Галстук.

Она машинально посмотрела на руку.

С утра он казался ей отличной идеей. Школьный галстук — самая ненавистная часть формы — был завязан вокруг запястья нарочно криво, почти как браслет. Мама сказала, что она выглядит как хулиганка. Катиш ответила, что хотя бы честно выглядит.

Теперь ткань будто стала темнее.

Или просто свет в вагоне мигнул.

Катиш вернулась на место и сгребла письмо, билет и инструкцию в кучу. Хотела сунуть всё обратно в конверт, но сургучная печать, сломанная на две половинки, вдруг шевельнулась.

Она замерла.

Половинки воска лежали на сиденье между складками бумаги.

И медленно тянулись друг к другу.

— Нет-нет-нет, — прошептала Катиш. — Даже не думай-

те.

Печать, конечно, не послушалась.

Красные обломки сомкнулись с тихим щелчком. Трещина по центру исчезла, будто её никогда не было. На гладком круге снова проступил дуб: мощный ствол, раскидистая корона и тонкая молния, рассёкшая кору.

Катиш смотрела на него, не моргая.

Печать была тёплой.

Она осторожно коснулась её кончиком пальца.

И лес за окном изменился.

Нет, он не превратился во что-то другое. Не вспыхнул, не расступился, не заговорил человеческим голосом. Просто Катиш вдруг увидела его слишком ясно.

Каждую ель. Каждую чёрную ветку. Полосы снега или тумана между стволами, хотя на дворе была весна. Мокрую землю. Пустую просеку. Старую дорогу, которой не могло быть видно с рельсов.

И вдалеке тот самый дуб с печати. Он стоял среди тёмного леса так, будто ждал её.

Катиш резко отдёрнула руку.

Картинка исчезла.

За окном снова тянулись обычные деревья.

Она медленно выдохнула.

— Я не поеду, — сказала она сама себе.

Билет на её коленях нагрелся.

Строки на нём изменились.

Вы уже едете.

Катиш уставилась на него.

— Какая наглость.

Вагон снова качнуло. Свет под потолком мигнул раз, второй, третий. Мужчина в наушниках исчез.

Катиш не сразу это поняла.

Сначала она просто посмотрела туда, где он сидел, и не нашла его взглядом. Подумала, что он вышел на прошлой станции. Потом вспомнила, что двери открывались, но никто не выходил. Потом резко повернулась к месту пожилой женщины.

Пусто.

На сиденье лежал недовязанный носок.

Спицы были воткнуты в клубок серой шерсти. Клубок чуть покачивался от движения электрички.

Катиш встала.

— Что за чёрт?

Ответом был только стук колёс.

Она прошла по вагону до ближайших дверей, заглянула в соседний. Там тоже никого не было. Только ряды пустых сидений, жёлтый свет и тёмные окна, в которых отражалась она сама.

— Очень смешно! — крикнула Катиш. — Если это пранк, то он тупой!

Голос прозвучал глухо, будто вагон был набит ватой.

Телефон показал отсутствие сети.

Потом экран сам погас.

Катиш нажала кнопку включения. Ничего.

— Отлично. Просто великолепно, — сегодня она будто решила разговаривать одними наречиями и междометиями.

Электричка начала замедляться.

Сначала едва заметно. Потом сильнее. Колёса застучали реже, протяжнее, словно поезду вдруг стало трудно ехать. За окнами разлился белый туман. Он был густым и таким плотным. Катиш вернулась к своему месту, схватила рюкзак, письмо, билет и конверт.

Печать сама скользнула ей в ладонь.

Она хотела выкинуть её обратно на сиденье, но пальцы почему-то сжались.

Поезд остановился.

Двери открылись с долгим шипением.

За ними была платформа.

Катиш медленно подошла к выходу.

Снаружи стояла тишина.

Не ночная, не лесная, не железнодорожная. Другая. Такая, в которой даже собственное дыхание казалось слишком громким.

Она выглянула.

Платформа была низкой и старой, с облупившимся краем и деревянным навесом, почерневшим от дождей. По краю тянулись редкие фонари, но свет от них не рассеивал туман, а будто тонул в нём. Вдалеке темнела табличка с названием

станции.

Катиш прищурилась.

Буквы были выцветшие, кривые.

Конечная.

Просто конечная.

Без названия.

— Ну конечно, — выдохнула Катиш. — А я-то надеялась на «Добро пожаловать в дурдом Ромашка».

Она обернулась.

Вагон за её спиной был совсем пуст.

Даже носок пожилой женщины исчез.

Только на сиденье, где она раньше сидела, остался тёмный след от конверта — будто бумага была слишком тёплой и успела прогреть обивку.

Катиш вышла на платформу.

Холод тут же пробрался под куртку. Воздух пах сырой землёй, дымом и лесом. Где-то далеко ухнула птица — низко, протяжно, не по-совиному, а почти человечески.

Двери электрички закрылись.

Катиш резко обернулась.

— Куда я, блин, вышла?!

Но поезд не уехал.

Он стоял неподвижно. Только окна одно за другим гасли, начиная с дальнего вагона. Последнее окно погасло прямо перед ней.

На миг в стекле отразился дуб.

Не за её спиной — отражение было неправильным. Он стоял там, где должна была быть пустая платформа. Огромный, чёрный, с ветвями, похожими на раскрытые руки.

Катиш зажмурилась.

Когда открыла глаза, в стекле снова была только злая и напуганная она.

И всё ещё не готовая принять то, что с ней происходит.

— Екатерина Шведова?

Она вздрогнула и обернулась.

Из тумана вышла женщина в тёмно-зелёной мантии. Высокая, сухая, с собранными в тугий пучок волосами и фонарём в руке. Фонарь был странный: внутри горел не огонь, а мягкий янтарный свет.

За женщиной стояли другие подростки.

Человек десять или двенадцать. Кто-то с чемоданом, кто-то с рюкзаком, кто-то прямо в домашней куртке поверх пижамной футболки. Рыжий мальчик прижимал к груди клетчатую сумку. Девочка с двумя косами держала конверт обеими руками, будто боялась, что он сбежит. Высокий парень в очках делал вид, что вообще не боится, но выглядел так, словно мысленно уже писал жалобу во все существующие инстанции. И, конечно, там стоял и я, но пока рано обращать внимание на меня.

Катиш сильнее сжала письмо.

— А кто спрашивает?

Женщина посмотрела на неё без всякого выражения.

— Куратор Северного округа. Для вас — Марья Кирилловна.

— А можно я для вас буду «девочка, которую сейчас отвезут домой»?

Женщина тяжело вздохнула.

— Нельзя.

— Жаль. Мне очень нравился этот вариант.

Марья Кирилловна протянула руку.

— Приглашение.

Катиш отступила на полшага.

— Сначала объяснение.

— Приглашение.

Голос у неё был спокойный, но такой, что спорить с ним хотелось только людям без инстинкта самосохранения. Катиш, к сожалению, именно такой и была.

— А если я не дам?

Марья Кирилловна чуть приподняла бровь.

Туман за её спиной шевельнулся.

Не рассеялся. Именно шевельнулся, будто в нём кто-то повернул голову.

Катиш посмотрела на туман, потом снова на куратора и молча сунула ей письмо.

— Разумное решение, — сказала Марья Кирилловна.

— Как будто у меня есть выбор.

— Все так говорят.

Она провела пальцем по имени на письме. Чернила на

мгновение вспыхнули тёмно-золотым светом.

— Екатерина Шведова. Четырнадцать лет. Печать вскрыта. Дорога признала. Проводник не создан.

— Что значит «дорога признала»?

— Значит, ты доехала.

— А если бы не признала?

— Не доехала бы.

Катиш решила, что уточнять не хочет.

Марья Кирилловна вернула письмо и внимательно посмотрела на её запястье, где всё ещё был намотан школьный галстук.

— Это твоё?

— Нет, блин, ваше.

Пара подростков рядом тихо фыркнула.

Марья Кирилловна не улыбнулась.

— Хорошо. Подойдёт.

— Для чего?

— Для проводника.

Катиш вспомнила инструкцию.

Первый проводник создаётся самостоятельно.

Она медленно опустила взгляд на галстук. Ткань опять казалась темнее, чем раньше. На красных полосах будто проступали тонкие тени, похожие на корни.

— Это галстук, — сказала она. — Просто дурацкий школьный галстук.

— Это было дурацким школьным галстуком.

— Мне не нравится, как вы это сказали.

Марья Кирилловна повернулась к остальным.

— Все приглашённые — к арке. Не толкаться. Не шуметь.

Не пытаться вернуться в поезд. Он уже не ваш.

— А чей? — спросил рыжий мальчик.

— Дороги.

Мальчик немедленно перестал задавать вопросы.

Катиш только теперь заметила арку.

Она стояла на другом конце платформы, почти скрытая туманом. Невысокая, деревянная, тёмная от времени. В этом месте всё деревянное и старое? На первый взгляд арка была похожа на старый вход в парк или заброшенную станционную калитку. Но чем дальше Катиш смотрела, тем яснее видела резьбу: дубовые листья, переплетённые корни, маленькие солнца, птицы с раскрытыми крыльями, странные знаки, похожие одновременно на узоры вышивки и на буквы.

В самом верху был вырезан дуб. Ну точно такой же, как на печати. Слишком часто он начал попадаться на глаза.

Катиш почувствовала, как печать в её ладони нагрелась.

Марья Кирилловна остановилась перед аркой и поставила фонарь на деревянный столб. Свет внутри вспыхнул ярче, выхватывая из тумана низкий стол, накрытый серым полотном.

На столе лежал нарезанный ржаной хлеб.

Рядом стояла маленькая глиняная миска с крупной солью.

— Перед переходом каждый принимает хлеб и соль, —

сказала куратор. — Не потому, что вы голодны. Не потому, что это красиво. А потому, что дорога должна понять: вы не пустые.

Высокий парень в очках поднял руку.

— Простите, а можно юридическое основание?

Марья Кирилловна посмотрела на него.

— Можно. Не съешь — останешься на платформе.

— Понял, принял.

Катиш невольно усмехнулась.

Марья Кирилловна продолжила:

— После хлеба каждый называет своё имя. Не кличку. Не сокращение. Не то, как вас зовут во дворе. Полное имя. Затем создаёте проводник. Для особо умных юных леди, — она обратила взор к Катиш, — завязываешь пояс. Чужими руками этого не делают. Чужой рукой завязанный пояс чужую волю слушает.

Катиш перестала улыбаться.

Пояс.

Она снова посмотрела на галстук.

— А если я не хочу пояс?

— Тогда создай что-нибудь другое.

— Например?

— Что угодно, что выдержит твою волю.

— А если моя воля невыносима?

— Значит, предмет сгорит.

Рыжий мальчик нервно сглотнул.

Катиш почти сказала, что это шутка. Но Марья Кирилловна выглядела человеком, который не шутил даже на собственном дне рождения.

Очередь двигалась медленно.

Девочка с косами первой взяла кусочек хлеба, обмакнула в соль и прошептала своё имя так тихо, что Катиш не расслышала. У неё проводником стала серебряная пуговица на пальто: пуговица потеплела, покрылась узором в виде маленьких звёзд и сама вернулась на ткань.

Рыжий мальчик достал из кармана старый брелок в форме коня. После хлеба и имени брелок вытянулся, стал тонким медным кольцом и щёлкнул у него на пальце. Мальчик смотрел на него с таким ужасом, будто конь только что умер прямо у него на руках.

Высокий парень в очках попытался использовать авторучку.

Авторучка задымилась.

— Слишком много желания всё контролировать, — сухо сказала Марья Кирилловна. — Возьми то, что не врёт.

Парень покраснел и достал из внутреннего кармана старый компас.

Тот подошёл.

Катиш наблюдала за ними и чувствовала, как внутри поднимается злость.

Не настоящая даже. Защитная.

Та самая, которую она всегда доставала, когда станови-

лось страшно. Проще было злиться, чем признать, что ноги немного ватные, а сердце колотится так, будто хочет сбежать первым.

Наконец Марья Кирилловна снова посмотрела на неё.

— Шведова.

Катиш шагнула к столу.

Ржаной хлеб пах так, как дома не пахло никогда. Теплом, печью, дымом и чем-то очень старым. Соль была крупная, почти прозрачная.

— Обязательно? — спросила она.

— Нет.

Катиш подняла брови.

— Правда?

— Конечно. Просто придётся остаться здесь.

Туман за аркой тихо вздохнул.

Катиш взяла хлеб.

— У вас отвратительная система мотивации.

Она обмакнула край в соль и откусила.

Соль хрустнула на зубах.

В тот же миг мир стал резче.

Катиш ощутила платформу под ногами. Холодный воздух. Влажную ткань куртки на плечах. Тяжесть рюкзака. И странное тепло сургучной печати, которую она всё ещё сжимала в ладони.

Марья Кирилловна кивнула.

— Имя.

Катиш сглотнула.

Почему-то это оказалось сложнее, чем она думала.

Сказать «Катиш» было легко. Это имя было бронёй. На-смешкой. Вызовом. Им можно было кидаться в людей, как камнем.

А полное имя звучало иначе.

Екатерина Шведова.

Так её называли учителя перед тем, как отчитать. Мама — когда уставала. Директор — когда листал журнал и делал вид, что ещё надеется на её исправление.

Она ненавидела это имя.

И всё же оно было её.

— Екатерина Шведова, — сказала Катиш.

Арка тихо скрипнула.

Будто услышала.

Марья Кирилловна перевела взгляд на её руку.

— Теперь проводник.

— И что мне делать?

— То, что подскажет вещь.

— Очень конкретно.

— Магия не любит инструкции.

— А вы только что дали мне инструкцию из семи пунктов.

— Потому что дети без инструкций чаще погибают.

Катиш открыла рот.

Потом закрыла.

— Ладно. Убедили.

— Значит, система мотиваций всё-таки даёт плоды.

Она подняла руку с галстуком.

Ткань вдруг сама развязалась на запястье и соскользнула в ладонь. Катиш едва успела поймать её. Галстук стал длиннее, чем должен был быть, тяжелее, плотнее. Красные полосы потемнели до цвета старой вишни, а чёрные стали глубокими, как мокрая кора.

Сургучная печать дрогнула в другой ладони.

Катиш посмотрела на неё.

— Даже не думай.

Печать, как и в первый раз, не послушалась.

Она скользнула по воздуху — всего на несколько сантиметров, но этого хватило, чтобы у Катиш перехватило дыхание, — и коснулась ткани. Воск не расплавился, не потёк. Он врос в галстук, как будто всегда был его частью.

Там, где раньше был узкий конец школьного галстука, появилась круглая пряжка.

На ней проступил всё тот же дуб.

— Завяжи, — сказала Марья Кирилловна.

Катиш сглотнула.

— То есть я должна сейчас посреди платформы надеть на себя заколдованный галстук?

— Да.

— Восхитительно.

Она обернула ткань вокруг талии.

Пояс лёг удивительно правильно. Катиш нашла концы,

попыталась завязать обычным узлом, но ткань упрямо выскользнула.

— Да что тебе надо?

Пояс ответил не словами.

Он показал.

На миг Катиш увидела собственные руки, только старше. Не взрослые — другие. Уверенные. Они завязывали узел иначе: не бантом, не как шнурок, а плотной петлёй, которую нельзя случайно распустить. Движение было простым, но в нём было что-то странно знакомое. Будто она не училась ему, а вспоминала.

Катиш повторила. Первый раз не вышло. На второй ткань уже потянулась сама. На третий узел лёг ровно. Пояс крепко затянулся.

По краям ткани проступили тонкие золотистые нити. Они не были вышивкой. Скорее корнями, вплетёнными в саму материю. От пряжки с дубом по поясу разошлась тонкая светлая трещина, похожая на след молнии.

Катиш стояла неподвижно.

Ей вдруг стало очень тихо внутри. Не спокойно. Нет. До спокойствия было далеко.

Но вся её злость, страх, раздражение, обида на школу, на мать, на странного старика, на весь этот идиотский вечер — всё словно перестало метаться в разные стороны. Пояс не забрал это. Не заглушил. Он просто собрал.

Катиш медленно коснулась пряжки. Та нагрелась, так же

как печать до этого.

И в голове прозвучал низкий, глухой, чуть скрипучий голос:

«Проводник».

Катиш резко отдёрнула руку.

— Он разговаривает?!

Несколько подростков одновременно отступили. Марья Кирилловна впервые почти улыбнулась.

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»? Я слышала голос!

— Значит, он слышит тебя.

— Я предпочла бы менее жуткую формулировку.

Пряжка тихо щёлкнула.

В голове снова прозвучало:

«Держись».

Катиш замерла.

На этот раз голос был тише. Не приказ. Не угроза.

Напоминание.

Она посмотрела на пояс.

— Я и так держусь, — пробормотала она.

Пояс едва заметно затянулся.

— Эй.

«Так лучше».

— Он ещё и спорит.

— Хороший проводник всегда спорит, — сказала Марья Кирилловна. — Плохой только слушается.

— Замечательно. У меня магический ремень с характером.

— Пояс, Шведова. Не ремень. Запомни разницу.

Катиш хотела спросить, какую, но не успела.

Арка за спиной куратора дрогнула.

Туман под ней разошёлся, открывая узкую дорогу. Не асфальтовую и не железнодорожную — старую, земляную, уходящую между тёмными деревьями. По краям дороги стояли низкие деревянные столбики с вырезанными на них дубовыми листьями.

Марья Кирилловна подняла фонарь.

— Теперь слушайте внимательно. За аркой не разговаривать без нужды. На своё имя в тумане не откликаться. Если услышите голос матери, отца, друга, учителя или кого угодно ещё — не отвечать. Если кто-то попросит оглянуться — не оглядываться. Если покажется, что забыли что-то в поезде, значит, дорога пытается понять, есть ли у вас мозг.

Рыжий мальчик побледнел.

— А если правда забыли?

— Значит, не судьба.

Катиш поёжилась.

— У вас тут все такие добрые?

Марья Кирилловна посмотрела на неё.

— Нет. Я самая добрая из всех.

После этого даже Катиш решила промолчать.

Ученики один за другим проходили под аркой. Когда каж-

дый переступал границу, туман на мгновение обвивался вокруг ног, а потом отступал, будто признавал.

Катиш шла последней.

Перед самой аркой она остановилась.

За спиной стояла платформа. Пустая электричка. Тусклые фонари. Туман, в котором уже почти не было видно рельсов.

Там, где-то далеко, остались дом, мама, школа, директор, контрольная по алгебре, привычные ссоры и обычная жизнь, которую она ещё час назад так старательно ненавидела.

Впереди была дорога.

Непонятная.

Сырая.

Слишком древняя для человека, который всего утром спорил с учительницей из-за несданной тетради.

Пояс на талии потеплел.

Катиш стиснула зубы.

— Только попробуй что-то учудить, — прошептала она.

Пряжка с дубом тихо щёлкнула.

И Катиш переступила порог.

Глава 3. Бытовое волшебство

Катиш думала, что после пустой электрички, тумана, говорящего пояса и хлеба с солью её уже ничем не удивить.

Это было очень самоуверенно. Уже находясь на школьном дворе, она увидела, как мимо неё с воплем пронёсся сапог. Просто сапог. Без ноги.

Он скакал по мокрой земле, разбрасывая грязь, обогнул каменный колодец, подпрыгнул на месте и с размаху врезался носком в деревянное ведро. Ведро возмущённо звякнуло, опрокинулось и покатило в сторону толпы первогодок.

За сапогом, прихрамывая на одной ноге, нёсся мальчик в длинной серой рубаше поверх джинсов.

— Стой! — кричал он. — Стой, зараза кожаная!

Сапог, видимо, стоять не собирался.

Он обогнул девочку с косами, проскочил между ногами высокого парня в очках и попытался скрыться за резным крыльцом ближайшего корпуса. Но оттуда высунулась метла, треснула сапог по голени — если у сапога вообще была голень, — и тот жалобно подпрыгнул.

Катиш остановилась.

Молча посмотрела на сапог.

Потом на мальчика.

Потом на Марию Кирилловну.

— Это, я так понимаю, местная норма?

Марья Кирилловна даже не моргнула.

— Первый день занятий.

— То есть да.

— То есть хуже обычного.

Катиш решила, что уточнять не хочет.

Они вышли из тумана всего минуту назад. По крайней мере, Катиш была уверена, что прошло не больше минуты. Хотя после всего, что случилось за этот вечер, время явно перестало считаться с её мнением.

Сначала была дорога.

Сырая, узкая, уходящая между деревьями. Туман цеплялся за ноги, шептал где-то сбоку незнакомыми голосами и пару раз вполне убедительно попытался назвать её маминым голосом. Катиш, конечно, не ответила. Не потому, что испугалась. И не только потому, что сказали этого не делать, просто она прекрасно понимала: если уже туман начинает разговаривать голосом матери, лучше не давать ему повода развивать беседу. Особенно учитывая, что она так и не ответила маме на СМС. Страшно представить, что она могла бы ей сказать.

Потом впереди начал проступать свет.

Тёплый, будто где-то за деревьями горели не фонари, а свечи.

А потом она увидела дуб.

Не тот, что мерещился ей за окнами электрички и темнел на сургучной печати, но похожий. Такой же древний, тя-

жёлый, расколотый старой молнией и будто слишком живой для обычного дерева.

Он стоял за крепостной стеной, на самом высоком месте школьного двора. Его ветви поднимались над крышами, башнями и деревянными переходами так, словно школа не просто стояла рядом с ним, а много лет жила под его прищотом.

Катиш поняла это почти сразу.

Здесь дуб был не украшением и не частью пейзажа.

Он был старшим. Его ветви поднимались над крышами, башнями и деревянными переходами так, будто школа не просто стояла рядом с ним, а пряталась у него под кроной.

Сначала был дуб. А уже потом — каменные стены, резные ворота, узкие окна, мокрая брусчатка, ученики, кураторы, фонари, колодец и этот ненормальный сапог.

Позже Катиш узнает, что таких дубов было два. Братья-близнецы, расколотые молнией в одну и ту же ночь: один стоял здесь, у школы, а второй — поодаль, у старой крепости. Говорили, что корни их никогда не соприкасались, но память у них была одна на двоих.

Пояс на её талии едва заметно нагрелся.

«Помнит», — прозвучало в голове.

Катиш дёрнулась.

— Не начинай.

Рыжий мальчик, который шёл рядом, испуганно посмотрел на неё.

— Что?

— Не тебе.

— А кому?

Катиш опустила взгляд на пряжку с дубом.

— Никому.

Пояс тихо щёлкнул.

«Врёшь».

— А вот теперь точно не начинай.

Рыжий мальчик сделал вид, что срочно заинтересовался мокрой брусчаткой.

Во дворе школы творилось что-то среднее между ярмаркой, пожарной тревогой и школьной переменой, на которой всем выдали незаконные пиротехнические изделия.

Слева у колодца девочка лет тринадцати пыталась заставить ковш сам набрать воды. Ковш действительно набрался. Только не водой, а собственным мнением. Он возмущённо подпрыгнул, окатил девочку с головы до ног и завис в воздухе ручкой вверх, будто показывал неприличный жест.

У крыльца трое мальчишек окружили самовар. Самовар был пузатый, медный, с начищенными боками и выражением лица, хотя лица у него быть не должно было. Из носика у него шёл пар.

— Давай ещё раз, — прошептал один мальчик. — Я почти понял.

— Ты в прошлый раз почти вскипятил старосту, — сказал второй.

— Ну не полностью же.

Самовар вдруг сердито засопел, развернулся на коротких ножках и пустил в них струю пара. Мальчишки с криком разбежались.

Катиш невольно усмехнулась.

— А самовары у вас тоже с характером?

Марья Кирилловна бросила на неё короткий взгляд. Кажалось, что Катиш начала ей даже нравиться.

— В этой школе проще перечислить тех, кто без характера.

— И кто же?

В этот момент мимо них с важным видом прошла скамейка.

На ней сидела девочка с одной зелёной бровью и спокойно ела сушку.

— Никто, — ответила Марья Кирилловна.

Катиш посмотрела вслед скамейке.

— Ну конечно.

По двору разнёсся громкий хлопок.

Где-то справа вспыхнуло зелёное пламя.

— Я же говорил, не «гореть», а «греть»! — возмущённо крикнул кто-то.

— Оно почти одинаково звучит!

— У меня мантия горит!

— Зато ты не мёрзнешь!

Марья Кирилловна закрыла глаза, словно мысленно про-

сила у Старого Дуба терпения.

— Первогодки, — громко сказала она, и её голос неожиданно легко перекрыл весь шум двора. — Построились.

Никто не построился.

Вообще никто.

Рыжий мальчик попытался встать ровно, но его медное кольцо на пальце вдруг щёлкнуло, и его клетчатая сумка сама подпрыгнула с земли. Мальчик испуганно вскрикнул и схватил её обеими руками.

Девочка с косами, у которой проводником стала серебряная пуговица, пыталась убедить собственное пальто не застёгиваться до самого носа.

Высокий парень в очках изучал компас и бормотал:

— Если принять это за неклассическую навигационную систему, то...

Компас щёлкнул крышкой по его пальцу.

— Ай!

— Построились, — повторила Марья Кирилловна.

На этот раз показалось, что среди ясного неба сверкнула молния. Первогодки построились мгновенно.

Катиш тоже встала в ряд. Не потому, что испугалась. Просто ей внезапно показалось, что стоять в строю — очень недооценённая идея.

Марья Кирилловна прошла вдоль них, держа фонарь в руке. Свет скользил по мокрым лицам, курткам, чемоданам, школьным рюкзакам и новым проводникам.

— Добро пожаловать в Школу практической магии, памяти и волшебного ремесла при Северном округе Магического управления, но некоторые называют её проще — Школой памяти у Старого Дуба, — сказала она. — С этого момента вы являетесь учениками первого круга. Нет, домой сегодня никто не поедет. Нет, родителям вы не позвоните. Да, они получат уведомления. Нет, в уведомлениях не будет написано «вашего ребёнка похитили». И никто с них не будет требовать выкуп.

Катиш подняла руку.

Марья Кирилловна посмотрела на неё так, будто уже жалела о своём существовании.

— Шведова?

— А что там будет написано?

— «Ваш ребёнок принят на обучение по закрытой программе Северного округа».

— Звучит как колония.

— Некоторым там и самое место.

— Намёки у вас кристально прозрачные.

— Видишь, как хорошо ты меня понимаешь.

— Мне стоит бояться?

— Посмотрим на твоё поведение.

Кто-то в строю тихо фыркнул.

Марья Кирилловна резко повернула голову, и смешок тут же умер где-то в воротнике.

— Сейчас вы пройдёте первое вводное занятие по быто-

вому волшебству. Это не потому, что мы считаем вас готовыми. Это потому, что ребята, прибывшие немного раньше вас, уже начали творить всякую чепуху, а значит, лучше делать это под присмотром сразу.

Сапог снова вылетел из-за крыльца.

За ним, тяжело дыша, скакал его хозяин.

— Под присмотром, — повторила Марья Кирилловна чуть громче.

Метла у крыльца снова треснула сапог, и тот наконец сдался, упав на бок.

— Бытовое волшебство, — продолжила куратор, — основа всего. Горы двигать вас никто не пустит. Солнце гасить тем более. Реки вспять разворачивать запрещено с тысяча сто сорок второго года после одного крайне неприятного случая на выпускном экзамене.

Высокий парень в очках снова поднял руку.

— А что произошло?

— Река обиделась.

— В каком смысле?

— В прямом. Три года окатывала с ног до головы каждого подошедшего.

Парень медленно опустил руку.

Катиш почувствовала, что начинает уважать эту школу всё больше. Не любить. Ни в коем случае. Просто уважать. Место, где река могла обидеться, определённо заслуживало внимания.

— Поэтому сегодня, — сказала Марья Кирилловна, — вы будете учиться простому. Греть воду. Сушить ткань. Чистить грязь. Заставлять ложку мешать чай, не выбивая при этом никому зубы. И, самое главное, не пытаться улучшить мир до завтрака.

Только сейчас Катиш заметила, что действительно стало светло. Она точно входила в арку ночью — с погасшими фонарями, пустой электричкой и чёрным лесом за спиной, — но над школьным двором уже расплзлось мутное утро.

— А после завтрака можно? — не удержалась Катиш.

Марья Кирилловна посмотрела на неё.

— После завтрака у вас основы магической безопасности.

— То есть нельзя.

— Тебе особенно нельзя.

Пояс на талии тихо щёлкнул.

«Слушай».

— Предатель, — прошептала Катиш.

— Что? — спросила девочка с косами рядом.

— Ничего. У меня пояс слишком законопослушный.

Девочка посмотрела на её пряжку.

— Он говорит?

— К сожалению.

— Моя пуговица только вибрирует.

— Завидую. Я вот не знаю, как у моего выключить звук.

Пояс на талии возмущённо затянулся на полсантиметра.

— Она вибрирует, когда я думаю сказать какую-то

неправду.

Катиш медленно повернулась к ней.

— И ты всё равно её говоришь?

Девочка покраснела.

— Нет.

— Тогда не завидую.

Марья Кирилловна повела их через двор к длинному деревянному зданию под тёмной крышей. На коньке крыши сидели две огромные птицы, похожие на ворон, если бы вороны когда-то решили заняться силовыми тренировками и обижаться на людей профессионально.

Одна птица посмотрела на Катиш и встретилась с ней взглядами.

Птица каркнула.

Пояс нагрелся.

«Не спорь».

— Я с птицами не спорю, — тихо сказала Катиш. — Пока что.

Здание, куда их привели, оказалось учебной избой.

Именно избой.

Не классом, не кабинетом, не аудиторией. Большая просторная изба с высокими потолками, резными наличниками изнутри, длинными столами, лавками и огромной белёной печью в углу. Над печью висела связка трав, сухие яблоки, пучки красных нитей и деревянные ложки разного размера. Под потолком плавали маленькие огоньки, похожие на свет-

лячков, только ленивые.

На стене висела доска.

Обычная школьная доска.

На ней мелом было написано:

Бытовое волшебство.

Тема: «Не трогай самовар без разрешения».

Катиш остановилась на пороге.

— Мне нравится эта тема.

— Это потому, что ты ещё не видела самовар, — сказал мальчик постарше, который только зашёл в избу вслед за ними.

— Видела. Он пытался сварить детей.

— Это был маленький.

Катиш медленно повернулась к нему.

— Есть большой?

В углу избы что-то тяжело засопело.

Катиш решила больше не спрашивать.

У печи стояла невысокая круглая женщина в синем сарафане поверх современной водолазки. На поясе у неё висели связки ключей, ложка, маленький ножик, деревянный гребень и что-то, подозрительно похожее на пульт от телевизора.

Волосы у неё были убраны под платок, а лицо было таким добрым, что Катиш сразу не поверила.

Слишком добрые люди обычно либо продают пирожки, либо знают, куда закопали тело.

— Первогодки? — спросила женщина.

— Они самые, — сказала Марья Кирилловна. — Свежие, нервные, с дороги. Одна уже спорит с поясом.

— Хороший знак, — оживилась женщина. — Значит, пояс не пустой.

— Я всё ещё стою здесь, — напомнила Катиш.

— Вижу, милая.

— Я не милая.

Женщина улыбнулась.

— Все так говорят в первый день.

Катиш мысленно записала: в этой школе все на всё отвечают «все так говорят». Очень удобная фраза. Можно вообще ничем не заниматься и просто повторять её с разной степенью угрозы.

— Я — Аграфена Тимофеевна, — сказала женщина. — Преподаватель бытового волшебства, домашней бережливой практики и прикладного «не взорви себя». Последнее, как показывает опыт, самое важное.

Она хлопнула в ладоши.

Лавки сами отодвинулись от столов.

Один табурет решил отодвинуться слишком резко, ударился ножкой о печь и замер, будто испугался.

Из печи донеслось недовольное ворчание.

— Простите, — быстро сказала Аграфена Тимофеевна печи.

Печь фыркнула дымком.

Катиш медленно наклонилась к девочке с косами.

— Печь тоже живая?

— Похоже.

— Прекрасно. Осталось, чтобы пол начал оценивать наши моральные качества.

Под ногами у Катиш жалобно скрипнула половица.

Она замерла.

Пояс тихо щёлкнул.

«Извинись».

— За что?

Половица скрипнула ещё раз. Уже обиженно.

Катиш закрыла глаза.

— Простите.

Половица довольно хрустнула и успокоилась.

— Я ненавижу это место, — прошептала Катиш.

«Врёшь».

— Я начинаю ненавидеть тебя больше всех.

Пояс промолчал, но как-то самодовольно.

— Рассаживайтесь, — сказала Аграфена Тимофеевна. —

Проводники на виду. Руки на стол. Самостоятельно ничего не трогать, особенно если оно дышит, шевелится, блестит или смотрит на вас с укором.

Катиш села за длинный стол рядом с девочкой с косами и рыжим мальчиком. Высокий парень в очках сел напротив и тут же аккуратно положил перед собой компас.

— Меня, кстати, Соня зовут, — тихо сказала девочка с

косами.

— Катиш.

Соня едва заметно улыбнулась.

— А полное?

— Тебе не стоит этого знать.

— Поняла.

Рыжий мальчик поднял руку.

— Я Федька. То есть Фёдор. Но если мама злится, то Фёдор Валерьевич.

— У тебя мама тоже так делает? — спросила Катиш.

— Все мамы так делают.

— Я думала, это запрещённая магия.

Федька серьёзно кивнул.

— Возможно.

Высокий парень поправил очки.

— Кирилл.

Катиш посмотрела на него.

— Просто Кирилл?

— Кирилл Андреевич Румянцев. Но я считаю, что в неофициальной обстановке достаточно имени.

— Мы сидим в живой избе рядом с обиженной печью, — сказала Катиш. — Это официальная или неофициальная обстановка?

Кирилл задумался.

— Сложный вопрос.

Аграфена Тимофеевна снова хлопнула в ладоши.

На столах появились предметы: глиняные кружки, деревянные ложки, маленькие тряпичные мешочки, блюдца с водой, кусочки ткани, пуговицы, перья, свечи и по одному круглому прянику на каждого.

Катиш сразу посмотрела на пряник. Пряник будто посмотрел в ответ. У него не было глаз. Но Катиш была уверена: посмотрел.

— Пряник не есть, — сказала Аграфена Тимофеевна, даже не оборачиваясь.

Катиш медленно убрала руку.

— А зачем он тогда существует?

— Для упражнения.

— Это преступление против пряника.

— Так пряник хотя бы переживёт.

С ближайшего блюдца раздался тонкий голос:

— Не факт.

Катиш очень медленно посмотрела на блюдце.

— Это кто сказал?

Соня побледнела.

Федька вцепился в свою сумку.

Кирилл мгновенно достал блокнот.

Аграфена Тимофеевна вздохнула.

— Домовёнок.

Из-под стола высунулась маленькая лохматая голова.

Существо было размером с кошку, только больше напоминало клубок пыли, который отрастил нос, усы и очень

осуждающий взгляд. На голове у него сидела крошечная шапка, связанная, кажется, из красной нитки.

— Кузьма, — сказала Аграфена Тимофеевна строго. — Я просила не мешать первому занятию.

— Я не мешаю, — сказал домовёнок. — Я наблюдаю за падением образования.

Катиш прыснула.

Домовёнок посмотрел на неё с интересом.

— Эта смешная.

— Эта проблемная, — поправила Марья Кирилловна от двери.

— Почти одно и то же.

Катиш впервые за вечер почувствовала к кому-то искреннюю симпатию.

— Кузьма, выйди из-под стола, — сказала Аграфена Тимофеевна.

— Не выйду. Там дети. Они опять ложки оживят и будут меня ими дубасить.

— Сегодня они будут греть воду.

— Тем более не выйду.

Аграфена Тимофеевна посмотрела на первогодок.

— Итак. Первое правило бытовой магии: не пытайтесь заставить вещь делать то, чего сами толком не понимаете.

Катиш подняла руку.

— То есть нельзя сказать «сделай нормально»?

— Можно. Но вещь сама решит, что такое нормально.

— Звучит опасно.

— Очень.

— А «сделай красиво»?

Аграфена Тимофеевна посмотрела на неё особенно внимательно.

— Никогда.

Катиш нахмурилась.

— Почему?

Кузьма из-под стола хихикнул.

— Потому что в прошлом году один мальчик сказал это своим ушам.

Федька побледнел.

— И что?

— Красиво стало всем, кроме мальчика, — сказал домо-вёнок.

— Кузьма, — предупредила Аграфена Тимофеевна.

— Молчу. Но уши были — загляденье.

Катиш решила, что бытовая магия ей нравится. В основном потому, что она была опасной совершенно идиотским образом.

— Сегодня ваша задача проста, — продолжила Аграфена Тимофеевна. — Подогреть воду в кружке. Не вскипятить. Не испарить. Не превратить в кисель, квас, слёзы предков или суп. Просто сделать тёплой.

Кирилл поднял руку.

— А слёзы предков — это частый побочный эффект?

— Только у драматичных.

Все почему-то посмотрели на Катиш.

— Что? — возмутилась она. — Я вообще молчала.

Пояс щёлкнул.

«Почти».

— Ты вообще на чьей стороне?

«На твоей».

— Тогда веди себя как союзник.

Аграфена Тимофеевна подошла к первому столу.

— Проводник не делает магию за вас. Он проводит вашу волю. Воля — это не «хочу». Хотите вы можете булочку, домой или чтобы сосед по парте временно онемел. Воля — это когда внутри вас появляется ясное «будет так».

— А если у меня внутри появляется «отстаньте все»? — спросила Катиш.

— Тогда, скорее всего, получатся неприятности.

— Звучит полезно.

— Неприятности для тебя.

Аграфена Тимофеевна взяла свою кружку, коснулась пальцами деревянной ложки на поясе и спокойно сказала:

— Тепло.

Вода в кружке мягко задымила.

Никаких вспышек. Никаких хлопков. Даже драматического ветра не было.

Катиш разочарованно посмотрела на кружку.

— И это всё?

— А ты хотела, чтобы из неё вылез змей?

— Было бы зрелищнее.

— Зрелищнее не значит лучше.

Из-под стола донеслось:

— Скучная правда жизни.

Первым попробовал Кирилл.

Он положил ладонь на компас, нахмурился так, будто собирался сдавать экзамен комиссии из трёх академиков, и сказал:

— Нагрев жидкости до комфортной температуры.

Кружка задрожала.

Вода внутри закрутилась, поднялась маленьким смерчем и с достоинством выплеснулась ему на рукав.

Кирилл замер.

— Слишком сложно, — сказала Аграфена Тимофеевна.

— Вода не любит канцелярит.

Катиш закашлялась, пытаясь не смеяться.

Кирилл покраснел.

— Я учту.

Следующей была Соня.

Она коснулась своей пуговицы, тихо прошептала:

— Тепло, пожалуйста.

Вода в её кружке стала чуть тёплой. Очень аккуратно. Почти идеально.

— Хорошо, — сказала Аграфена Тимофеевна.

Соня облегчённо улыбнулась.

Федька нервно посмотрел на своё медное кольцо.

— А если я случайно вскипячу?

— Значит, узнаешь, как выглядит пар.

— Я видел пар.

— Тогда узнаешь его ближе.

Федька сглотнул, осторожно коснулся кольца и сказал:

— Тёпленько.

Кружка подпрыгнула.

Вода внутри не нагрелась.

Зато сам стол начал довольно мурлыкать.

Все уставились на него.

Кузьма высунулся из-под стола.

— О, лавочный заговор. Редкость.

— Я не хотел! — пискнул Федька.

— Ещё бы, — сказала Катиш. — Кто в здравом уме хочет

соблазнить мебель?

Стол мурлыкнул громче.

Аграфена Тимофеевна закрыла лицо ладонью.

— Фёдор. Руку с кольцом убери от столешницы.

Федька мгновенно убрал руку.

Стол разочарованно скрипнул.

— Ничего страшного, — сказала Аграфена Тимофеевна.

— Для первого раза почти неплохо.

— Почти? — переспросил Федька.

— Никто не загорелся.

— А это критерий успеха?

— Один из главных.

Настала очередь Катиш.

Она посмотрела на свою кружку.

Потом на пояс.

Потом снова на кружку.

Вода в ней была холодная и совершенно невиноватая. Катиш даже стало немного жаль её заранее.

— Давай договоримся, — тихо сказала она поясу. — Ты мне помогаешь. Я не называю тебя ремнём.

Пояс молчал.

— Мог бы и оценить уступку.

«Действуй».

— Ну спасибо за подробную консультацию.

Катиш положила ладонь на пряжку.

Тёплый круг с дубом отозвался сразу. Где-то внутри поднялось то самое странное чувство, которое она уже ощутила на платформе: будто злость, страх и упрямство переставали толкаться и вставали в один ряд.

Она посмотрела на кружку.

Тёплой.

Просто тёплой.

Не кипяток. Не пожар. Не суп. Не слёзы предков, хотя про них было любопытно.

— Тепло, — сказала Катиш.

Кружка щёлкнула.

Вода осталась холодной.

Зато её школьная рубашка внезапно стала идеально выглаженной.

Катиш замерла.

Соня осторожно сказала:

— Зато красиво.

Катиш медленно опустила взгляд.

Рубашка была не просто выглаженной. Она была такой ровной, такой белой и такой строгой, будто её только что достали из шкафа самой неприятной завучихи мира. Воротник стоял остро. Манжеты сияли. Даже пуговицы выстроились так ровно, словно проходили военную подготовку.

Катиш потрогала ткань.

Рубашка хрустнула.

— Она деревянная? — спросил Федька.

— Нет, — сказала Катиш.

Рубашка снова хрустнула.

— Возможно.

Кузьма вылез из-под стола по пояс.

— О, редкое проклятие отличницы.

— Я не отличница!

— Рубашка не согласна.

Катиш попыталась согнуть руку. Рука согнулась с таким звуком, будто кто-то ломал сухую ветку.

— Я попросила воду.

Аграфена Тимофеевна подошла ближе, осмотрела рубашку и очень старательно не улыбнулась.

— Ты думала не о воде.

— Я думала о воде!

Пояс щёлкнул.

«Врёшь».

— Я думала почти о воде!

«Форма».

Катиш возмущённо посмотрела на пряжку.

— Я просто мимолётно подумала, что эта форма бесит меня с утра!

— Вот форма и решила исправиться, — сказала Аграфена Тимофеевна.

— Исправиться? Она стала похожа на наказание.

— Магия услышала «форма» и «исправить».

— Я не говорила «исправить»!

— Но хотела.

Катиш открыла рот.

Закрыла.

Посмотрела на деревянно-идеальные манжеты.

— Ладно. Допустим.

Кузьма важно кивнул.

— Бытовая магия — она такая. Всё слышит, всё перевертает.

— Как учителя, — пробормотала Катиш.

Марья Кирилловна от двери сказала:

— Я слышала.

— Вот именно.

Половина класса закашлялась от смеха.

Аграфена Тимофеевна хлопнула в ладоши.

— Продолжаем. Шведова, исправь.

— Как?

— Скажи рубашке, что она свободна.

Катиш посмотрела на Аграфену Тимофеевну.

— Простите, что?

— Вещи часто становятся строгими, когда думают, что от них слишком многого ждут.

— Это рубашка или я?

В избе стало очень тихо.

Пояс на талии осторожно нагрелся.

Катиш нахмурилась.

— Не надо психологию из одежды вытаскивать. Я пришла воду греть.

— Тогда освободи рубашку и грей воду, — спокойно сказала Аграфена Тимофеевна.

Катиш вздохнула и положила ладонь на жёсткий воротник.

— Так. Слушай сюда, рубашка. Ты не обязана быть идеальной. Ты можешь быть просто нормальной. Мятой, как все приличные рубашки после электрички, тумана и нервного срыва.

Рубашка молчала.

— И если ты сейчас перестанешь хрустеть, я, возможно, не сожгу тебя при первой возможности.

— Шведова, — предупредила Марья Кирилловна.

— Мотивирую, как вы учили.

Рубашка вдруг мягко выдохнула.

И стала обычной.

Мятой, немного влажной, с перекошенным воротником и пятном у рукава.

Катиш облегчённо пошевелила плечами.

— Вот. Другое дело. Уродливо, зато честно.

«Лучше», — сказал пояс.

— Тебя не спрашивали.

Аграфена Тимофеевна поставила перед ней новую кружку.

— Ещё раз.

Катиш посмотрела на воду.

На этот раз она постаралась не думать о форме. Ни о рубашке, ни о галстукке, ни о школьных правилах, ни о том, как ужасно будет, если здесь тоже заставят ходить строем, делать домашку и не спорить со взрослыми.

Только вода.

Холодная.

Тёплая.

Простая.

Она коснулась пряжки.

— Тепло.

Вода задымила.

Совсем чуть-чуть.

Как чай, который уже можно пить, но ещё нельзя обжечь язык.

Катиш недоверчиво посмотрела на кружку.

— Получилось?

Аграфена Тимофеевна улыбнулась.

— Получилось.

Соня тихо хлопнула в ладоши.

Федька радостно сказал:

— И никто не загорелся!

— Лучший комплимент в моей жизни, — сказала Катиш.

Кузьма забрался на лавку и принялся к кружке.

— Терпимо.

— А ты что, санитарная проверка?

— Нет, просто домовой.

— Это должность?

— Это диагноз.

Катиш рассмеялась.

Впервые за весь этот безумный вечер — по-настоящему.

И именно в этот момент где-то в другом конце избы раздался взрыв.

Не большой. Скорее хлопок. Но достаточно громкий, чтобы все подпрыгнули.

Из кружки высокого мальчишка, сидевшего у окна, ударил фонтан.

Только не воды.

Кофе.

Горячий, густой, пахнувший так, что даже Марья Кирилловна на секунду заинтересованно повернула голову.

Фонтан поднялся почти до потолка, ударился о висящие травы и рассыпался вниз коричневым дождём. Следом из кружки вылетели зефирки.

Много зефирок.

Очень много.

Они кружились по избе, как снежинки, липли к волосам, падали в чернильницы, отскакивали от носа Кирилла, и одна особенно наглая зефирка приземлилась прямо на голову Аграфене Тимофеевне.

Мальчик у окна с ужасом прошептал:

— Я просто хотел какао.

Кузьма поднял обе лапы.

— Наконец-то нормальный ученик.

Изба взорвалась смехом.

Даже Соня смеялась, зажимая рот ладонями. Федька пытался поймать зефирку ртом. Кирилл, очень серьёзный, записывал что-то в блокнот, хотя на его очках медленно сползала кофейная капля.

Катиш поймала одну белую мягкую зефирку на ладонь. Абсолютно неуместную среди древней магии, живой печи, говорящего домового и школы у Старого Дуба.

Она посмотрела на неё. Потом на свою тёплую кружку. Потом на пояс.

— Нет, — сказала она.

Пояс промолчал.

— Я сказала нет.

«Хочешь».

— Я хочу много чего. Это не повод превращать урок в кондитерскую катастрофу.

«Врёшь».

— Ты меня бесишь.

Но зефирка в её руке пахла ванилью.

А вода в кружке была просто тёплой.

Скучной.

Правильной.

И ужасно недостаточной.

Катиш медленно наклонилась к кружке.

— Слушай, — прошептала она. — Мы же уже выяснили, что я могу греть воду.

Пояс настороженно нагрелся.

— А если я захочу не просто воду?

«Не надо».

— Вот теперь точно надо.

Она бросила зефирку в кружку.

Аграфена Тимофеевна в этот момент занималась кофейным фонтаном и не смотрела. Марья Кирилловна помогала снять зефирку с плаща первогодка, который выглядел преданным судьбой. Кузьма сидел на столе и ловил сладости ртом.

Идеальный момент.

Катиш положила ладонь на пряжку.

— Какао, — тихо сказала она.

Кружка послушно нагрелась.

Вода потемнела.

Катиш с восторгом наклонилась ближе.

Получается.

Получается!

Вода стала коричневой.

Пошёл сладкий запах.

Зефирка растаяла.

Катиш уже почти победно улыбнулась, когда из кружки медленно поднялась маленькая коричневая голова.

С ушами.

С носом.

И очень недовольными глазами.

— Кто звал? — спросило какао.

Катиш медленно отодвинулась.

— Я, кажется, больше не хочу пить.

Какао нахмурилось.

— Поздно.

И прыгнуло ей на рубашку.

Секунду в избе стояла тишина.

Потом Кузьма восхищённо выдохнул:

— Вот теперь я её уважаю.

Катиш сидела, глядя на живое пятно какао, которое возмущённо растекалось по её рубашке и явно собиралось там

жить.

Пояс тихо щёлкнул.

«Гордыня».

— Это было какао, — сказала Катиш сквозь зубы. — Не гордыня.

«И то и другое».

Аграфена Тимофеевна подошла к её столу.

Посмотрела на кружку.

На рубашку.

На Катиш.

На живое какао, которое теперь устроилось у неё на груди и довольно пузырилось.

— Шведова.

— Оно само.

Какао возмущённо булькнуло.

— Почти само, — исправилась Катиш.

Марья Кирилловна тяжело вздохнула.

— Первый день. А она уже создала напиток с характером.

Кузьма довольно кивнул.

— Хорошее начало.

Катиш посмотрела на пятно.

Пятно посмотрело в ответ.

Глаз у него не было.

Но она была уверена: посмотрело.

— Если ты испортишь мне рубашку, — тихо сказала Катиш, — я превращу тебя в кисель.

Какао задумалось.

Потом осторожно сползло обратно в кружку.

Аграфена Тимофеевна улыбнулась.

— Ну вот. Первый успешный договор с бытовым духом.

— С кем?

— С бытовым духом.

— Это было просто живое какао.

— В магии многие знакомства начинаются именно так.

Катиш посмотрела на кружку.

Какао тихо булькнуло.

— Я ненавижу эту школу, — сказала она.

Пояс нагрелся.

«Врёшь».

Катиш не ответила.

Потому что, к ужасу своему, кажется, действительно вралла.

Глава 4. Корни помнят

За три недели Катиш привыкла почти ко всему.

К тому, что школьная изба могла обидеться, если хлопнуть дверью слишком громко. К тому, что печь в кабинете бытового волшебства не любила слово «печка» и начинала дымить из вредности. К тому, что самовар в столовой считал себя важнее половины преподавателей и однажды отказался кипятить воду для первогодок, потому что «не был морально готов к понедельнику».

К говорящему поясу она тоже почти привыкла.

Почти.

— Я всё ещё считаю, что ты должен был поставляться с инструкцией, — пробормотала Катиш, затягивая тёмно-бордовый пояс поверх рубашки.

Пряжка с дубом тихо щёлкнула.

«Ты бы не прочла».

— Наглая ложь.

Пояс промолчал.

Катиш посмотрела вниз.

— Ты сейчас специально молчишь, чтобы я сама поняла, что это правда?

«Умнеешь».

— Я тебя когда-нибудь развяжу и оставлю на лавке.

«Попробуй».

Катиш фыркнула и вышла из спальни.

За это время она успела понять: Школа практической магии, памяти и волшебного ремесла при Северном округе Магического управления, которую все нормальные люди называли просто Школой памяти у Старого Дуба, была местом, где невозможно было спокойно дойти от кровати до завтрака.

Во-первых, потому что кровать могла не отпустить.

Во-вторых, потому что коридоры иногда меняли направление, если им становилось скучно.

А в-третьих, потому что где-нибудь обязательно находился первогодка, который решил, что уже готов к великому колдовству, и теперь его носки пели погребальные песни.

Сегодня, судя по звукам со двора, таких первогодок было много.

Катиш вышла на крыльцо и остановилась.

На мокрой брусчатке творилось весёлое безумие.

По двору носились крокопони.

Или поникроки.

Катиш так и не смогла решить, как правильно называть существ, похожих на маленьких пони с крокодилыми мордами, чешуйчатыми хвостами и абсолютно счастливым выражением лица. Они скакали вокруг колодца, радостно щёлкали зубами и пытались грызть ленты на школьных флагах.

Федька стоял у колодца, размахивал руками и кричал:

— Они должны были быть обычными пони!

Один крокопони обернулся, посмотрел на него обиженно и демонстративно укусил деревянное ведро.

— То есть почти, — добавил Федька уже тише.

Соня пыталась поймать двух крокопони с помощью своего пальто. Пальто, как обычно, было разумнее хозяйки: оно само распахивало полы, мягко подталкивало существ к заго-ну и время от времени застёгивалось на Соне до самого носа, если та начинала паниковать.

— Катиш! — крикнула Соня сквозь воротник. — Помоги!

— Я бы помогла, — сказала Катиш, — но не хочу лишать тебя ценного жизненного опыта.

Пояс щёлкнул.

«Лень».

— Стратегическое наблюдение.

«Лень».

— Предательство.

Сверху вдруг посыпались леденцы.

Не метафорически.

Над одной из башен вспыхнула радуга, треснула посередине, и оттуда вниз полетел настоящий цветной дождь. Леденцы стучали по крыше, отскакивали от камней и сыпались в траву. Пара старшекурсников радостно подставили капюшоны.

Марья Кирилловна стояла посреди двора с таким лицом, будто сегодня с утра уже несколько раз планировала уволняться, но понимала, что проблему это не решило бы.

— Кто вызвал конфетный дождь? — спросила она очень спокойно.

Это «спокойно» было страшнее любого крика.

Толпа учеников мгновенно посмотрела на Кирилла.

Кирилл поправил очки.

— Я хотел проверить, возможно ли точечное формирование осадков с заданной вкусовой характеристикой.

— То есть ты вызвал конфетный дождь.

— В научном смысле — да.

— А в обычном?

Кирилл вздохнул.

— Тоже да.

Один леденец ударил Марию Кирилловну по плечу, отскочил и покатился к её сапогу.

Все замерли.

Марья Кирилловна медленно посмотрела на леденец.

Леденец, кажется, попытался прикинуться камешком.

— Румянцев, — сказала она. — Дождь убрать.

— Я пока не совсем понял, как.

— Тогда пойми быстрее.

Рядом хлопнуло.

Над крышей учебной избы взвился фонтан шашлыка.

Катиш даже не сразу поверила своим глазам.

С шампуров срывались кусочки мяса, кружились в воздухе и аккуратно падали прямо в деревянные миски, которые сами выстроились в очередь. Откуда-то из-под крыльца вы-

лез Кузьма, домовёнок, прижал к груди большую миску и с благоговением прошептал:

— Наконец-то образование пошло в правильную сторону.

Аграфена Тимофеевна выбежала из избы, держа в одной руке половник, а в другой — связку красных нитей.

— Кто колдует мясо без соли?!

Все почему-то снова посмотрели на Федьку.

— Я просто хотел завтрак! — возмутился он.

— Завтрак не должен падать с неба!

— А конфеты должны?

Кирилл обиженно поднял палец.

— Это исследование.

— Это липнет к крыше, — отрезала Марья Кирилловна.

Катиш поймала леденец, посмотрела на него, пожалала плечами и сунула в карман.

Пояс нагрелся.

«Нельзя».

— Это улика.

«Врёшь».

— Вкусная улика.

У Старого Дуба, возвышавшегося над двором, листья тихо зашелестели, хотя ветра не было. Тёмный ствол с молниевой трещиной казался спокойным и древним, будто за свои века видел и не такое. Может быть, когда-то вокруг него тоже бегали ученики, только вместо леденцов вызывали дождь из репы, а вместо крокопони — обиженных коз с человече-

скими голосами.

Катиш подняла голову и посмотрела на крону.

— Не осуждай, — сказала она тихо. — Но тут все странные.

Листья снова зашелестели.

Пояс щёлкнул.

«Смеётся».

— Дубы не смеются.

«Этот — смеётся».

Катиш решила, что спорить с поясом смысла нет.

Привести двор в приличный вид кураторам удалось только через двадцать минут, три связки бережных нитей, два ведра воды, одно строгое слово Марьи Кирилловны и обещание Аграфены Тимофеевны, что самовольное мясо попадёт не в завтрак, а в учебник как пример «чего делать не надо».

Крокопони заперли в загоне для временно существующих существ.

Конфетный дождь свернули в маленькую радужную тучку и посадили в глиняный горшок.

Шашлычный фонтан обиделся и ушёл обратно в крышу.

Домовёнок Кузьма попытался уйти вместе с миской улик, но был пойман печной кочергой, которая явно давно ждала своего звёздного часа.

Наконец первогодок построили перед крыльцом главного корпуса.

Выглядели они, мягко говоря, не как ученики серьёзного

магического учебного заведения. Соня всё ещё вытаскивала из кос леденцы. Федька прижимал к груди ведро с отпечатком крокодильих зубов. Кирилл держал радужную тучку под мышкой и пытался делать вид, что всё было под контролем.

Катиш стояла в конце ряда, хрустела украденным леденцом и старалась выглядеть человеком, который вообще ни при чём.

Марья Кирилловна посмотрела на неё.

— Шведова.

Катиш перестала хрустеть.

— Я нашла его на земле.

— И съела конфету с земли?

— Очень вкусная. К сожалению, съела последнюю, не могу поделиться.

Пояс щёлкнул.

«Гордыня».

— Это не гордыня. Это карамель.

Марья Кирилловна прикрыла глаза.

— Старый Дуб, дай мне сил.

Старый Дуб снова зашелестел.

Катиш теперь была почти уверена, что он смеётся.

— Раз все закончили демонстрировать, почему первогодкам нельзя давать свободное время, — сказала Марья Кирилловна, — слушайте внимательно. Сегодня вы покидаете территорию школы.

Все сразу оживились.

— Домой? — с надеждой спросил кто-то из задних рядов.

— Нет.

Надежда умерла мгновенно.

— В одну из западных магических школ, — продолжила Марья Кирилловна. — Там проходит конференция Волшебного общества учащихся. Представители разных школ собираются, чтобы обменяться опытом, показать достижения и убедиться, что у соседей всё не менее странно.

— Это типа экскурсия? — спросил Федька.

— Это образовательное мероприятие.

— То есть экскурсия, на которой нельзя радоваться?

— Именно.

Кирилл поднял руку.

— А почему нас тоже пригласили, если мы первогодки?

— Потому что конференция включает программу наблюдения для младших кругов.

— А настоящая причина? — спросила Катиш.

Марья Кирилловна посмотрела на неё.

— Чтобы вы увидели, что магия бывает не только нашей.

— А ещё?

— Чтобы другие увидели, что наша магия существует не только в страшных сказках.

Катиш не сразу нашлась, что ответить.

Эта фраза прозвучала иначе. Не как обычная сухая насмешка Марьи Кирилловны, а как что-то более старое и серьёзное.

Соня тихо спросила:

— А нас пустят туда? Ну если у них другая магия?

— Пустят, — сказала Марья Кирилловна. — Они пригласили.

Пояс на талии Катиш едва заметно потеплел.

«Не верит».

Катиш нахмурилась.

Она тоже почувствовала: Марья Кирилловна сказала правду, но не всю.

— Доберёмся через морской ход, — продолжила куратор. — Поезд ушёл, порталы на такое количество учеников открывать не будут. Телепортация первоодок запрещена после случая, когда один мальчик прибыл на место раньше своих ног.

Федька побледнел.

— Ноги потом нашли?

— Да.

— А мальчика?

— Тоже. Но в другом настроении.

— Я не хочу больше телепортироваться, — быстро сказал Федька.

— Никто и не предлагает.

Марья Кирилловна указала на ворота.

— За пять минут вы собираете вещи. Проводники при себе. Обереги не снимать. Ничего живого, спорного, временно существующего и потенциально зубастого с собой не брать.

Катиш посмотрела на загон с крокопони.

Один крокопони поднял морду и улыбнулся всеми зубами.

— Жаль, — сказала она. — Я уже выбрала себе питомца.

«Нет», — сказал пояс.

— Я даже не предлагала.

«Нет».

— Ты скучный.

Через полчаса школьный двор снова был полон шума, но уже другого. Ученики тащили сумки, чемоданы, свёртки, проводники, обереги и совершенно ненужные вещи, без которых, по их мнению, невозможно было пережить один день вне школы.

Соня взяла запасное пальто, потому что её нынешнее «иногда слишком самостоятельное». Федька нёс клетчатую сумку, из которой подозрительно пахло шашлыком. Кирилл держал блокнот, компас и маленькую банку с конфетной тучкой.

— Ты зачем её взял? — спросила Катиш.

— Для наблюдений.

— Она же ливнем из леденцов чуть не убила Марию Кирилловну.

— Тем ценнее наблюдения.

— Румянцев, — раздалось сзади.

Кирилл вздрогнул.

Марья Кирилловна протянула руку.

— Тучку.

— Но это исследовательский материал.

— Это нарушение правил перевозки осадков.

— Такие правила существуют?

— С этого утра — да.

Кирилл с видом человека, у которого отнимают научное будущее, отдал банку.

Корабли ждали их не у реки.

Вообще никакой реки рядом не было.

Ученики вышли через северные ворота школы, прошли мимо второго ряда деревянных столбиков с вырезанными дубовыми листьями и оказались на широкой поляне. В центре поляны стояли два корабля.

Просто стояли.

На траве.

Катиш остановилась.

— Я даже не буду спрашивать.

Федька спросил:

— А как они поплывут?

Корабль слева обиженно скрипнул.

Марья Кирилловна сказала:

— Очень быстро.

Первый корабль был похож на старую ладью из учебника истории, если бы этот учебник однажды познакомился с паровым котлом и решил, что теперь он личность. Длинный тёмный корпус был украшен резьбой: птицами, волна-

ми, солнечными кругами и дубовыми листьями. В прочем, узоры такие же как и на большинстве вещей в этой школе. На носу красовалась деревянная голова зверя — то ли медведя, то ли щуки, то ли человека, который очень устал от вопросов.

Второй корабль был ниже, шире и мрачнее. Его борта казались влажными, будто он только что вышел из тумана. На чёрном парусе серебрилась тонкая ветка.

Между кораблями стоял капитан.

Низкий, широкий, в потрёпанном морском кафтане, с седыми усами, старой трубкой за ухом и одним лиловым глазом. Второй глаз был обычным, но почему-то именно обычный выглядел подозрительнее.

Катиш несколько секунд смотрела на него.

— Это панда? — тихо спросила она.

Федька прищурился.

— Морской панд, наверное.

— Это другое?

— Не знаю, но звучит опаснее.

Капитан широко улыбнулся.

— Ну что, молодёжь! Поезд ушёл, а корабли остались. Вот знаменитый Нау, вот Голландец. Прыгайте на борт. За пять минут домчим!

— По земле? — не выдержала Катиш.

Капитан сверкнул лиловым глазом.

— По памяти.

После этого он развернулся и скрылся в машинном отделении.

Сразу двух кораблей.

Катиш открыла рот.

Закрыла.

Посмотрела на Соню.

— Ты это видела?

— Да.

— Отлично. Значит, коллективная галлюцинация.

Пояс щёлкнул.

«Нет».

— Тебя не спрашивали.

Посадка прошла почти спокойно. Если не считать того, что трап Нау сначала отказался принимать Кирилла, потому что тот «слишком много думает», а Голландец попытался утащить Федыкину сумку в трюм, явно заинтересовавшись запахом шашлыка.

Катиш поднялась на борт Нау последней.

Под ногами была не палуба, а гладкие тёмные доски, пахнущие смолой, солью и дымом. По краям борта висели красные нитки-обереги, маленькие колокольчики, сухие травы и деревянные фигурки птиц. Над мачтой вместо обычного флага развевался кусок ткани с вышитым дубовым листом.

— У вас даже корабли выглядят как бабушкин сундук, — сказала Катиш.

Марья Кирилловна, стоявшая рядом, сухо ответила:

— Зато бабушкин сундук обычно переживает тех, кто над ним смеётся.

Катиш решила не спорить с сундуками.

Когда все поднялись на борт, корабль дрогнул.

Трава под ним потемнела.

Поляна будто стала водой.

Не сразу. Сначала земля мягко пошла рябью, как поверхность пруда. Потом между травинок блеснула тёмная глубина. Потом корабль медленно опустился, качнулся — и поплыл.

Катиш вцепилась в борт.

— Думаешь, это нормально?

— Нет, — сказал Федька.

— Ты уверен?

— Нет.

Соня рядом крепко держалась за своё пальто, а пальто держалось за Соню.

Кирилл сиял.

— Фантастически! Это, вероятно, перемещение через слой пространственной памяти, где объект не пересекает расстояние напрямую, а вспоминает путь, по которому уже мог бы пройти.

Катиш посмотрела на него.

— Ты можешь хотя бы один раз испугаться по-человечески?

— Я испуган.

— Не видно.

— Это интеллектуальный испуг.

— Выглядишь занудно.

Корабль резко ускорился.

Мир вокруг смазался.

Школа, Дуб, поляна, ворота — всё вытянулось в длинные тёмно-зелёные полосы. Ветер ударил в лицо, пахнувший солью, хотя моря по-прежнему нигде не было. Вокруг корабля поднялись волны — не из воды, а из образов. Катиш мельком увидела старую дорогу, зимний лес, железнодорожную платформу, чьи-то руки, завязывающие пояс, и огромный дуб, расколотый молнией.

Пояс на талии нагрелся.

«Держись».

— Я, по-твоему, что делаю?!

Голландец шёл рядом. Иногда он исчезал в тумане, иногда появлялся выше, ниже или почему-то справа дважды. На его борту старшекурсники радостно кричали, будто всё это было не магическим нарушением здравого смысла, а обычной прогулкой.

Через несколько минут мир снова собрался.

Корабли вышли из тумана на широкое озеро.

Впереди поднимался замок.

Высокие башни, каменные стены, витражи, флаги, мосты и тёмные силуэты леса вдаль. Всё выглядело почти красиво. Слишком красиво, как картинка на открытке, которую кто-

то случайно подержал над свечой.

На берегу уже стояли ученики других школ.

У кого-то в руках были палочки. У кого-то — посохи, кольца, перчатки, книги, тонкие стеклянные жезлы. На ярких мантиях блестели значки, гербы, вышивки и заколки. В воздухе висели разноцветные огни, кто-то смеялся, кто-то махал знакомым с другого корабля.

Катиш спустилась на берег и почувствовала себя странно.

Не потому, что вокруг было много чужих волшебников. За три недели она уже успела привыкнуть к тому, что мир больше, чем район, школа и электричка.

А потому, что здесь всё было другим.

Не хуже.

Не лучше.

Просто другим.

Магия здесь пахла не печью, хлебом, дымом и мокрой кожей. Она пахла озоном, камнем, травой и чем-то металлическим. Здесь не было резных наличников, красных нитей и бережных узлов на каждом углу. Здесь были башни, гербы и тонкие светящиеся линии в воздухе, по которым чужая магия двигалась ровно и красиво, будто её научили хорошим манерам.

Катиш невольно коснулась пояса.

— У них всё какое-то гладкое.

«Не всё».

— Успокаиваешь?

«Предупреждаю».

Катиш нахмурилась.

И только тогда заметила, что Марья Кирилловна стоит слишком прямо.

Не обычно прямо, как человек, который родился с позвоночником из закона. А настороженно. В руке у неё уже был проводник — тонкая деревянная палочка с резьбой у основания, которую Катиш раньше почти не видела.

Аграфена Тимофеевна рядом держала связку красных нитей. Её доброе лицо стало очень серьёзным.

— Что-то не так? — тихо спросила Соня.

Катиш посмотрела на замок.

Сначала он казался просто тёмным на фоне серого неба.

Потом она поняла: над ним сгущались тучи.

Не обычные. Чёрные, тяжёлые, слишком низкие. Они висели прямо над башнями, закручивались медленно, как дым в перевёрнутой чаше. В воздухе пахло грозой, хотя дождя не было. Озон щипал нос. Где-то далеко что-то глухо треснуло.

И ещё был страх.

Катиш не сразу поняла, что это именно он.

Но пояс крепко затянулся.

«Не слушай».

— Кого?

Ответа не было.

Со стороны леса донёсся треск.

Разговоры на берегу начали стихать.

Кто-то нервно рассмеялся. Кто-то позвал преподавателя. Один мальчик из другой школы поднял палочку, и на её кончике вспыхнул голубой огонёк. Огонёк тут же погас.

Марья Кирилловна повернулась к ученикам.

— Первогодки Северного округа — за мной. Старшие — внешний круг. Проводники держать при себе. Без команды не колдовать.

— А если очень хочется? — тихо спросила Катиш.

Марья Кирилловна посмотрела на неё.

— Тогда особенно не колдовать.

В этот момент из леса раздался вой. Не волчий и не звериный. Так мог бы выть сам лес, если бы ему было больно.

Тучи над замком вспыхнули изнутри.

На миг берег осветило холодным белым светом.

И Катиш увидела, как деревья у края леса качнулись.

Не от ветра.

Из-за них что-то шло.

Сначала показались тонкие паучьи ноги — слишком длинные, чёрные, покрытые щетиной. Где-то правее мелькнула грива, змеиный хвост и крылья. Ещё дальше земля просела под тяжёлой тушей, из пасти которой капала серебристая пена.

Ученики начали отступать.

Кураторы побледнели.

Даже Марья Кирилловна на секунду сжала губы так, что Катиш стало по-настоящему страшно. Если человек, кото-

рый мог построить первогодок одним взглядом, сам боялся, значит, происходящее уже точно не входило в расписание.

— Палочки к бою! — прогремел чей-то голос над берегом.

У Северного округа палочек почти ни у кого не было.

Зато были пояса, кольца, пуговицы, компасы, гребни, ложки, обереги, красные нити и дурная привычка спорить с опасностью.

— Проводники к бою, — тихо сказала Марья Кирилловна.

И лес бросился на них.

Сначала всё превратилось в шум.

В крики, вспышки, треск ветвей, удары магии о землю. Слева кто-то поднял прозрачный щит, и в него с размаху врезалась тварь, похожая на огромного паука. Щит покрылся трещинами, но выдержал. Справа старшекурсница из другой школы закричала заклинание, и из её палочки вырвалась сияняя молния, ударившая в крылатую тень над головами.

Катиш не сразу поняла, что стоит на месте.

Ноги будто приросли к земле.

Рядом Соня сжимала свою серебряную пуговицу так крепко, что побелели пальцы. Федька что-то быстро шептал своему кольцу. Кирилл стоял с компасом в руке и впервые выглядел не заинтересованным, а совершенно обычным испуганным человеком.

— Шевелитесь! — крикнула Марья Кирилловна. — К во-

де! Спиной друг к другу!

Катиш сделала шаг.

И остановилась.

Потому что страх вдруг стал сильнее.

Она услышала мамин голос.

— Катя?

Катиш застыла.

Голос прозвучал совсем рядом.

Не злой. Не сердитый.

Уставший.

Так мама звала её, когда ночью открывала дверь в комнату и думала, что Катиш уже спит. Так она произносила её имя, когда не хотела ругаться, но больше не знала, как разговаривать.

— Катя, ты где?

Пояс резко затянулся.

«Не слушай».

Катиш вдохнула.

Холодный воздух резанул горло.

— Это не она, — сказала она сама себе.

— Катя

— Не она.

Голос сменился.

Теперь это был директор.

— Екатерина Шведова, опять вы?

Потом учительница по алгебре:

— С такими оценками далеко не уйдёшь.

Потом чей-то смех.

Школьный коридор. Жёлтые стены. Чужие взгляды. Мамино усталое лицо. Собственная злость, такая привычная, что без неё было страшно остаться пустой.

Катиш зажмурилась.

— Да заткнитесь уже!

Перед ней что-то треснуло.

Она открыла глаза.

Из земли у самой кромки леса поднимались корни.

Сначала Катиш решила, что это просто деревья ожили. В этой школе и не такое случалось. Но корни не тянулись из земли — они собирались в тело.

Длинные узловатые лапы. Сгорбленная спина, покрытая мокрой корой и мхом. Вместо шерсти— тонкие сухие ветки. Морда вытянутая, почти волчья, но без глаз. Только тёмные провалы, в которых что-то шевелилось, будто там клубился дым.

Пасть раскрылась.

Внутри были не зубы, а щепки. Острые, кривые, чёрные от гнили.

— Морокорень, — выдохнула Аграфена Тимофеевна где-то рядом.

Катиш впервые услышала в её голосе страх.

Существо повернуло морду к ним. И Катиш поняла: оно видит. Не глазами. Памятью.

Морокорень сделал шаг.

Земля под ним почернела. Трава свернулась, будто её обожгли морозом. Там, где лапы касались земли, проступали тонкие чёрные корешки, тянущиеся к ближайшим ученикам.

— Не давайте ему коснуться проводников! — крикнула Марья Кирилловна. — Имена держать! Слышите? Имена!

— Что значит имена держать? — испуганно спросил Федька.

Кирилл побледнел.

— Думаю, это значит

Он замолчал.

— Что? — спросила Соня.

Кирилл моргнул.

— Я я забыл.

Пояс на Катиш вспыхнул теплом.

«Имя».

— Кирилл Андреевич Румянцев, — резко сказала Катиш.

Кирилл дёрнулся, будто она плеснула на него водой.

— Что?

— Тебя зовут Кирилл Андреевич Румянцев, и ты зануда с компасом. Соберись.

Он судорожно вдохнул.

Компас в его руке щёлкнул и ожил: стрелка закрутилась, потом резко указала не на север, а на Морокорень.

— Спасибо, — прошептал Кирилл.

— Потом поблагодаришь. Лучше придумай что-нибудь умное.

Морокорень прыгнул.

Неуклюжее на вид тело вдруг оказалось страшно быстрым. Он перемахнул через упавший щит, сбил с ног какого-то старшекурсника и рванул прямо к группе первогодок.

Соня вскрикнула.

Её пальто распахнулось, пытаясь закрыть её от удара, но чёрные корни проскочили под тканью и обвили ей запястье.

Серебряная пуговица на пальто задрожала.

Соня побледнела.

— Я — прошептала она. — Я

— Соня! — крикнула Катиш.

Девочка посмотрела на неё пустыми глазами.

— Я не

Морокорень потянулся к ней мордой.

Катиш не подумала.

Она просто рванула вперёд.

Пояс на талии обжёг кожу.

«Стой».

— Поздно!

Она схватила ближайшую красную нить из связки, которую выронила Аграфена Тимофеевна, и бросилась к Соне. Морокорень ударил лапой. Катиш едва успела пригнуться. Над головой просвистели ветви-когти, срезав прядь волос.

— Эй! — выкрикнула она, сама не понимая, от злости или

от страха. — Без стрижки!

Морокорень повернул к ней безглазую морду.

Страх ударил сильнее.

На секунду Катиш забыла, где находится.

Берег исчез.

Лес исчез.

Перед ней снова была электричка. Пустая. Тёмная. Конечная станция без названия. В руках — письмо. В голове — мысль, что надо просто выбросить конверт, выйти на следующей станции и вернуться домой.

Домой.

А где её дом?

Катиш застыла. Она не могла вспомнить. Не адрес. Не комнату. Не голос мамы без морока. Не своё имя.

Пояс затянулся так резко, что она охнула.

«Имя».

Она судорожно вдохнула.

Имя.

Какое?

«Имя».

В голове было пусто. Страшно пусто. Как будто кто-то выскоблил из неё всё привычное и оставил только холод.

Морокорень шагнул ближе.

Чёрные корни поползли к её ногам.

И тогда где-то внутри, совсем глубоко, поднялась злость.

Не громкая. Не привычная защитная злость, которой она

отмахивалась от учителей, мамы, директора и всего мира.

Другая. Упрямая. Живая.

Её не забрали.

— Екатерина, — выдохнула она.

Пояс вспыхнул.

— Екатерина Шведова.

Пряжка с дубом стала горячей. Золотистая трещина на ней разошлась по ткани, как молния по тёмному небу. Узоры корней на поясе вспыхнули один за другим.

Морокорень отшатнулся.

Катиш подняла руку с красной нитью.

— А это Соня.

Девочка вздрогнула.

— Софья — Катиш на секунду запнулась, потому что отчества она не знала, и зло добавила: — Просто Соня с умной пуговицей и дурацким пальто, которое всё время пытается её съесть. И ты её не заберёшь.

Пальто Сони, видимо, оскорбилось, потому что резко застегнулось, вырвало её руку из чёрных корней и хлопнуло Морокорня по морде рукавом.

Федька издал нервный смешок.

— Оно его ударило!

— Радуйся молча! — крикнула Катиш.

Морокорень взвыл.

От этого звука у Катиш заломило зубы.

Он бросился снова.

На этот раз Катиш была готова хуже, чем хотелось бы, но лучше, чем минуту назад. Она вскинула красную нить, как будто это была верёвка, хотя это была просто тонкая обережная нитка, которой в школе перевязывали ложки, двери и слишком амбициозные чайники.

— Держи! — крикнула она поясу.

«Узел».

— Что?

«Вяжи».

— Сейчас?!

«Сейчас».

— Я ненавижу твои инструкции!

Она шагнула в сторону, уходя от удара лапы. Морокорень врезался в землю, подняв комья грязи и мокрой травы. Катиш набросила красную нить на один из чёрных корней и попыталась завязать узел.

Пальцы дрожали.

Нить скользила.

Морокорень дёрнулся.

Катиш едва не упала.

— Да завязывайся же!

Пояс нагрелся.

И вдруг она вспомнила.

Платформу. Арку. Соль на зубах. Собственные руки, завязывающие пояс не бантом, не шнурком, а плотной петлёй, которую нельзя случайно распустить.

Она повторила движение.

Раз.

Нить вспыхнула.

Два.

Чёрный корень зашипел.

Три.

Узел лёг ровно.

Морокорень взвыл так, что над озером взметнулась рябь.

— Получилось! — крикнул Федька.

— Не сглазь!

Но одного узла было мало.

Морокорень рванулся и потащил Катиш за собой. Она упала на колено, ладонь соскользнула по грязи. Чёрные корни потянулись к её поясу, пытаясь обвить пряжку.

Пояс вспыхнул жаром.

«Не дам».

— Вот теперь ты мне нравишься!

Кирилл вдруг оказался рядом. Бледный, с растрёпанными волосами и компасом в руке.

— Его корни сходятся в одной точке! — крикнул он. — Там, под грудью! Если связать центральный узел, структура распадётся!

— Можно без структуры?!

— Вяжи середину!

— Так бы сразу!

Соня, всё ещё дрожащая, подняла руку. Её серебряная пу-

говица засветилась.

— Я могу отвлечь.

— Нет! — резко сказала Катиш.

Соня посмотрела на неё.

Потом на Морокорня.

Потом впервые за всё время упрямо нахмурилась.

— Я могу.

Пальто Сони распахнулось, и из его пол вылетели десятки маленьких серебряных пуговиц. Они закружились перед мордой Морокорня, звеня, как крошечные колокольчики. Существо дёрнулось, попыталось схватить их пастью, но пуговицы рассыпались в стороны.

Федька бросил вперёд своё медное кольцо.

Нет, не само кольцо — его свет. Тёплый, рыжий, похожий на отблеск печи. Свет ударил в землю, и грязь под лапами Морокорня на миг стала мягкой, вязкой. Существо провалилось по щиколотки.

— Я не знаю, что сделал! — крикнул Федька.

— Главное — не останавливайся!

Катиш бросилась вперёд.

Морокорень повернулся к ней.

И снова ударил страхом.

На этот раз он пришёл не маминым голосом и не директором.

Он пришёл тишиной.

Такой, в которой никто её не зовёт.

Никто не ждёт.

Никто не помнит.

Катиш на миг снова сбилась с шага.

Чёрные провалы вместо глаз смотрели прямо в неё.

Ты никто, прошелестело где-то в голове.

Катиш стиснула зубы.

— А вот это уже банально.

Морокорень замер.

— Серьёзно? — выдохнула она, чувствуя, как страх всё ещё холодит руки. — Ты весь такой страшный, древний, из корней и морока, а пугаешь как школьный психолог?

Пояс щёлкнул.

«Сосредоточься».

— Я сосредоточена!

Она схватила красную нить обеими руками и шагнула под самую грудь Морокорня. Там, между переплетёнными корнями, действительно темнел узел — живой, чёрный, пульсирующий. От него расходились тонкие нити страха к земле, ученикам, лесу.

Катиш потянулась к нему.

Морокорень взвыл и ударил её плечом.

Она упала на спину.

Воздух выбило из лёгких.

Небо над ней было чёрным, низким, полным молний.

Где-то рядом кричали люди. Сверкали заклинания. Трещали щиты. Запретный лес шевелился, выпуская всё новых

тварей.

Катиш попыталась вдохнуть.

Не получилось.

Пояс на талии горел.

«Встань».

— Легко сказать, — прохрипела она.

«Встань».

— Ты ужасно однообразен.

«Жива».

Катиш вдруг рассмеялась.

Коротко. Хрипло. Почти зло.

— Ну да. Аргумент.

Она перевернулась на бок, вцепилась пальцами в грязь и поднялась.

Старый Дуб был далеко. Очень далеко, в другой стране, за туманами, дорогами и памятью кораблей. Но в голове вдруг всплыло: таких дубов было два. Братья-близнецы, расколотые молнией в одну ночь. Корни их никогда не соприкасались.

Но память у них была одна на двоих.

Катиш закрыла глаза.

Не чтобы спрятаться.

Чтобы вспомнить.

Школьный двор. Мокрую брусчатку. Старый Дуб над крышами. Второй дуб у старой крепости. Сургучную печать. Пояс на талии. Соль на языке. Своё имя.

— Екатерина Шведова, — сказала она уже громче.

Пояс вспыхнул золотом.

— Школа памяти у Старого Дуба.

Под ногами дрогнула земля.

Морокорень отступил.

— Два дуба. Одна память.

Где-то далеко, невозможным образом далеко, зашумели листья.

И Катиш почувствовала ответ.

Не голос.

Не слово.

Память.

Старая, тяжёлая, огромная. В ней были грозы, войны, костры, детский смех, молитвы, дороги, первые заклинания, забытые имена, шёпот матерей, треск молнии, запах мокрой коры. Она не принадлежала Катиш. Не могла принадлежать.

Но на миг пропустила её через себя.

Золотые нити на поясе вспыхнули так ярко, что Морокорень закрыл морду лапой.

Катиш подняла красную нить.

Теперь она была уже не одна. От пояса к её пальцам тянулись тонкие светлые корни — не настоящие, а сотканые из памяти и упрямства. Они обвили красную нить, сделали её крепче, тяжелее, живее.

— Узел, — сказала Катиш.

И завязала.

Не на корне.

Не на лапе.

На самом мороке.

Красная нить вспыхнула вокруг чёрного узла в груди Морокорня. Раз. Второй. Третий.

Катиш затянула петлю.

— Держи.

Морокорень беззвучно раскрыл пасть.

Страх вокруг будто лопнул.

Ученики на берегу одновременно вдохнули. Кто-то заплакал. Кто-то выкрикнул своё имя, будто только что вспомнил его. Над озером пронёсся горячий ветер, пахнувший дымом, корой и грозой.

Морокорень затрещал.

Чёрная кора на его теле пошла трещинами. Из них вырвались тонкие серебристые огоньки — не свет, нет. Скорее обрывки чужих воспоминаний. Детский смех. Голос матери. Запах пирога. Стук колёс. Чьё-то первое заклинание. Чья-то забытая песня.

Они разлетелись по берегу и исчезли в людях, которым принадлежали.

Соня всхлипнула.

— Я вспомнила, — прошептала она. — Я Соня.

— Очень вовремя, — выдохнула Катиш.

Морокорень сделал последний шаг.

Катиш отшатнулась, но существо уже не нападало. Оно

рассыпалось. Корни теряли форму, падали на землю мокрыми чёрными лентами, превращались в мох, щепки и грязь.

Последним исчез узел в его груди.

Красная нить упала Катиш в ладонь.

Обугленная.

Но целая.

На берегу стало тихо.

Не полностью — где-то дальше ещё ревели твари, кураторы выкрикивали заклинания, щиты трещали, ученики отбегали к воде. Но вокруг Катиш образовался маленький круг тишины, будто сам воздух пытался понять, что только что произошло.

Марья Кирилловна подошла первой.

Её лицо было бледным. На рукаве мантии темнела длинная прореха. В руке она всё ещё сжимала палочку.

Она посмотрела на Катиш.

Потом на обугленную нить.

Потом на пояс.

— Шведова.

Катиш попыталась выпрямиться.

Получилось плохо.

— Если это сейчас будет лекция о технике безопасности, я лягу и притворюсь мёртвой прямо здесь.

Марья Кирилловна несколько секунд молчала.

Потом сказала:

— Жива всё-таки?

— Вроде.

— Имя помнишь?

Катиш сглотнула.

— Екатерина Шведова.

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало странно.

Почти мягко.

Катиш не знала, что с этим делать, поэтому посмотрела на Соню.

Соня стояла рядом с Федькой и Кириллом. Бледная, дрожащая, но уже с нормальным взглядом. Её пальто висело на плечах криво, будто тоже пережило небольшой конец света.

— Спасибо, — тихо сказала Соня.

Катиш отвела взгляд.

— Я просто не хотела, чтобы твоё пальто осталось сиротой.

Пальто Сони слабо шевельнулось.

Кажется, обиделось.

Кирилл подошёл ближе.

— То, что ты сделала Это было крайне нестандартное применение обережного узла в боевой ситуации.

— Румянцев, — сказала Катиш, — я сейчас слишком устала, чтобы понять, похвалил ты меня или обидел.

— Похвалил.

— Тогда спасибо. Но звучало всё ещё занудно.

Федька нервно улыбнулся.

— Ты связала эту штуку, как чайник.

— Очень страшный чайник.

Пояс тих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.